

Егор Мирный

на кострах заросшем Плутоне

РУССКИЙ	ГУЛЛИБЕР
---------	----------

Егор Мирный

На кострами заросшем Плуtone

НП «Центр современной литературы»

Мирный Е.

На кострами заросшем Плутоне / Е. Мирный — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-119-5

Егор Мирный родился в 1983 году в г. Мелеуз (Башкортостан), окончил Уфимский Государственный Авиационный Технический Университет, инженер-кибернетик. До сих пор его стихи были известны читателям в основном по сетевым публикациям. «На кострами заросшем Плутоне» — первая книга Егора Мирного.

ISBN 978-5-91627-119-5

© Мирный Е.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Время кузнечиков, насаженных на соломинки	5
1. После меня ничего не останется	8
на заоблачной станции	8
перечитай	9
общая кухня	10
иллюзия	11
паутина	12
июньское	13
на секунду	14
Было	15
с плеча	16
уолли	17
стекло	18
корни	19
завеса	20
пожитки	21
хоккей	22
моя любовь	23
не обращай внимания	24
сабрина	25
сентябрь уже	26
кораблём	27
кипяток	28
диалоги	29
проект	30
лезвие	31
брют	32
ненасытные дни	33
никогда	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Егор Мирный

На кострами заросшем Плутоне

Время кузнечиков, насаженных на соломинки

Не люблю я, честно говоря, всех этих вступлений/ послесловий; не люблю потому, что, во-первых, не умею их писать, а во-вторых, в силу неизбежности ощущения, что любая попытка истолкования предмета почти неизбежно уводит в сторону от самого предмета. И всё же – передо мной рукопись близкого по духу поэта; поэта, от которого я многого жду и не поддержать которого не могу.

Итак – «На кострами заросшем Плутоне», первая поэтическая книга Егора Мирного (Беззубенко). Прежде всего (и не делая ни малейших скидок на относительную молодость автора) хочется отметить целостность сборника. Мирный много экспериментирует, в одних текстах сохраняется чёткий размер, в других ритм раскачивается, короткие строки сменяются длинными, возникает чувство, будто эти последние тексты только что сошли с корабля, им ещё надо привыкнуть к земле (а читателю привыкнуть к пресловутой раскачке). То же и с рифмами – классическая рифма уступает место ассонансам (а в отдельных случаях и диссонансам), скачивается в приблизительность: лес-хлеб, страх-рай, спиной-ночь. Егор находится в постоянном поиске (что не может не импонировать), особенно это касается метафор, и, конечно, как у любого ищущего и плодовитого автора, бывают у него и вкусовые срывы («раскосый нрав» и т.п.), как и проходные стихи (но кто лучше самого автора знает, насколько они необходимы для книги, насколько оправданы, ведь нередко совершенно заурядное стихотворение становится порталом, миновав который, мы оказываемся лицом к лицу с одним из лучших своих текстов). Интересно, что как бы ни экспериментировал автор, ощущение целостности остаётся, а это значит, что Мирный узнаваем, что ему удалось найти свой голос, свою манеру письма, чьи основные составляющие – некоторая параноидальность, высокая концентрация метафор и сюрреалистичность повествования. Вот, например, одно из лучших (на мой вкус) стихотворений сборника, приведу его целиком:

время цветов

было время цветов, питающихся цветами,
каждый новый день начинался с того, что не заканчивался вечер.
молчаливая соня от горластых горничных в тайне
выращивала жемчуг
в ушных раковинах своей младшей сестры,
которая видела только соню и которую видела только соня.
они могли целыми сутками друг на друга смотреть,
пока не становилось больно.
их древовидная, свет износившая мать
в прошлом – летала /яблочная фея в отставке/,
в настоящем – варила из жемчуга едкую мазь,
выводила у сони сердечные бородавки.
папы не было дома, и не было дома у них,
всё происходило на фоне пульсирующей акации.
соня знала наперечёт предстоящие дни,

записывала их на кассету и прокручивала у себя на пальце,
в плотоядном тумане собирала по косточкам тех,
кто лежал там с откушенными головами, с небесами
проломленными, кто до них не дошёл, кто не очень-то и хотел.
было время кузнечиков, насаженных на соломинки.

Тут, помимо потрясающей образности, ещё и виртуозное выстраивание сюжета, вполне себе параноидального, настоящий триллер. А ведь подобных текстов у Мирного достаточно много (я говорю о безусловно состоявшихся стихотворениях, как бы ни отличались они друг от друга). Это и «Дельфины», и «Небеса», и «Прятки», и «Кафель», и «Радио»... остановлюсь здесь, дабы не навязывать читателю (а читатель у Егора непременно будет) собственное видение.

Большинство стихов сборника на удивление живописны:

багряные концентрические облака на свалывшемся небе.
тишина качает плетёную колыбель.
из-под пера выходят, бегут побеги.
мальчик с ожогом на голове кутается в сибирь,

падает за урал, дышит на валгаллу,
одноглоточно выпивает шипучий стикс.
ящички в его груди раньше легко выдвигались,
в некоторых из них до сих пор можно найти

нечто трескучее и текучее, образовавшее мысы.
огромная жизнь превращается в пятистрочный верлибр.
определяя простор для плавучих мыслей,
из-под пера выходят воздушные корабли –

Что это, если не полотно художника-сюрреалиста? – и если одни тексты напоминают картины, другие – мультипликационны (та самая «фабрика Уолта Диснея», возникающая в финале «Дельфинов», только это уже какой-то иной – переосмысленный и преображённый – Дисней).

Хотелось бы обратить внимание читателя и на парадоксальность образов (что вообще характерно для сюрреализма):

спутник её, пожалуй, невзрачен, а, в целом, бестактен и дик,
делит с ней удушающий страх красоты и большую кровать
ради редкой способности с ходу себя находить
в списках погибших за право не выживать.

В книге много стихов о любви (или, может быть, о недостижимости безусловной любви, о едва сдерживаемом отчаянии – и пусть мнимая отстранённость автора не вводит вас в заблуждение) и смерти (да и о чём же ещё писать, как не о любви и смерти, чуть ли не все наши стихи об этом), что, впрочем, не вызывает ощущения мрачности. Перед нами проходит вереница женских образов, все эти камиллы, лизы, бекки, асумы, сони, но разве речь не об одной женщине, разве нет в них чего-то общего, общего ПО СУТИ, и разве не может быть так, что всё это – лики и имена Смерти?

потом появилась мифическая она
в железном рубище, с бесплотными руками -
белоглазая нина, осознавшая себя сполна,
видящая только клыки и камни

А когда сатирик (или, если хотите, «пародист действительности») побеждает романтика,
рождаются такие чудесные и ядовитые вещи как «Полина по Моэму»:

а в самом-самом финале к ней приедет Сомерсет
с предложением руки и сердца.
это будет так тонко прорисовано, так трогательно исполнено, что
всем захочется разреветься.
Полина ответит ему: «да, дорогой мой. возьми меня. я твоя
до нашей общей смерти.»
следующие сцены вырежет цензура, но дети смогут
найти их в интернете

Что ж... Открой книгу, читатель, она того стоит.

Михаил Дынкин

1. После меня ничего не останется на заоблачной станции

после меня ничего не останется,
после меня совершится потоп.
матовый свет на заоблачной станции,
голый простор,

воздух былого, что угли за пазухой.
кто-то бесплотный виски мне сожмёт,
станут о жизни подробно рассказывать,
но без имён,

словно о музыке без композиторов
или о небе, не знающем птиц.
вдоль голосов этих, тёмных, пронзительных,
буду идти

в белую мглу, где свободой очерчено
то, до чего не касается взгляд,
дальше, чем всё, что имеет значение,
дальше, чем ад.

детством пахнёт и любовями рыжими,
слово, теплея, вздохнёт чуть вольней,
станет беззвучным, но чутким и слышимым,
будто во мне.

так полоса из живого молчания
перечеркнёт и надежду, и страх,
чтоб отпустить за пределы отчаянья –
дальше, чем рай.

перечитай

переливай из пустого в незрячее
через себя дальше слов перегнись
вот оно время лесное стоячее
вот она жизнь

по чурбачкам растащи настоящее
на золотом оставляя круги
перетекай из немого в горячее
и обожгись

угомонись распрямись опоясайся
прошлому в оспинках лоб не чеши
радуйся что перерос но не радуйся
что пережил

как бы и что бы закат ни оканчивал
перебалууй себя переиграй
и укачай в своём сердце обманчиво
маленький страх

так про себя обо всём тихо шёпотно
или поверь или верить устав
но прочитай на страничке оборванной
перечитай

общая кухня

не верится, что вот он, выходной
от немоты придирчивой, от гулкой
ночной непроходимости – ценой
в давным-давно просроченное утро.

на общей кухне вздулся потолок,
по жёлтым стенам бурые подтёки.
всего делов, что выдавить стекло
и вывалиться в зыбкие потёмки,

но всё же нет. на «нет» и счастья нет –
одна луна, и та – не в масть, не в пику,
одна любовь – за дым от сигарет,
пусть будет так: зажмурился и выпил

её сполна, оделся, вышел вон.
вон ты идёшь, воспитанный, усталый,
а спросят у тебя: кого/чего,
не вспомнишь даже, как ты объяснял им,

что никого, что незачем, что сыт
и далее – на ломаном транслите.
как поздно – переходишь на курсив:
тушите звёзды, люди, расходитесь

ИЛЛЮЗИЯ

бог покидает небо, уходит в невидаль,
там, где любовь не выдаст и не умрёт.
не говори, что чего-то на свете не было –
всякое было на тысячи лет вперёд.

люди себя не помнят, а, вспомнив, крестятся.
тени попались в невод – хорош улов.
вроде как жизнь не то чтобы и безделица,
но про неё хватает и пары слов.

в этом вся соль, и она – облизни – горячая,
в этом и счастье: попробуешь – полыхнёт.
что за дорога такая – назад ворачивай.
что за телега такая – не развернёшь.

пялится в подоконник звезда кургузая,
бог замедляет речи, пинает снег.
нет ничего в этом мире (кроме иллюзии,
что ничего абсолютно на свете нет).

и продолжения, видимо, не последует.
что ни скажи – забудется, дайте срок.
смерть из того, что ты выдумал, не последнее.
текст неразборчив. сценарий всегда сырой.

паутина

«представьте себе, будет там одна комнатка, так вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам одни пауки. И вот и вся вечность»

Ф. Достоевский

Скрыв паутиной марлевой дальний стан,
В грязных просветах ловить одичалый блик,
Спешно пейзаж лубочный перелистать.
К вырванной кем-то странице душой прилип.

Впалое небо, чахлый сутулый фон,
Пьяные кедровые сговорчивы и милы,
Только настроить осталось лихой развод
У заваливающей пилы и пилить, пилить.

Солнце проделает вялый смурной кульбит,
Ловко подставить светилу тугой топчан
И наложить паутину на свет, как бинт,
Чтобы не просочилась в меня печаль.

Не находить себе места, цены, врагов;
Булькать, журчать, пузыриться в текучей мгле.
Больше во внешние заросли ни ногой.
Здесь мои воля и пастбище, смерть и хлеб.

ИЮНСКОЕ

не то чтобы лето, а так – уходи и не думай,
что скоро совсем никуда, но пока ещё в силе
держат своё сердце, фугасоподобную дуру,
в тепле и покое, в не знающей войн хиросиме.

ни меры, ни дна, ни понятия, кто здесь убийца,
а кто просто так, не на свой заглянул, видно, саммит.
поднявшись над всем провисающий воздух клубится,
потом, раздобрев, обернётся, как есть, небесами.

и ты обернись: вдруг забыл там неясное что-то –
а вспомнишь, не вздумай вернуться: оно уже вмято
в скалистые кряжи молчания или в пустоты
колючей гряды расставаний, прибитой к закатам.

коварный июнь в неизвестность, как в чудо, впрессован.
и выбрана форма участия в жизни, положим,
под цвет её глаз, той, которая нынче особо
предательски дарит тебе не себя, но похоже.

расстрелян туман из орудий подсевших позиций,
сверяется время с ударами жизни в литавры,
тушуетя общее прочим, а мы очевидцы
всего, что случилось и что не случится представить.

навек – понятия, на долгие годы хранимы
боями за память. хоть прямо сегодня – под титры.
июнь остаётся за старшего, прячет огниво.
на правду срывается ложь. и становится тихо.

на секунду

на секунду показалось, что я не вечен,
но прошло, прошло, хотя и было страшно.
и не то чтобы я теперь совсем уже не вчерашний,
о том не было речи.

столько всего. и не хочется забывать. поровну
вспаханного асфальта и всякой шпатлёвочной дряни.
мысли бьются о твердеющие покровы мироздания,
принимают их форму.

кто его знает, откуда берутся лёгкость
и теснота, причём одновременно.
не придумай меня: в протоплазме исходных терминов
ни смерти, ни бога,

ни слов. я сравнил бы себя, но не сравнивал с теми,
в ком целиком заблудился, кто чудом не выжил
в сражении, что не на жизнь, а насмех. с ними иже
понимаю, что мал, что не время

предаваться шёпоту, тяготеющему к молчанию,
но не к покою.

жизнь не просматривается
сквозь суетливые блики, гудящие в каждом.
всё это словно стёртая аудиозапись,
которую можно восстановить
и, прослушав, понять, что
она того не стоит

БЫЛО

Бесчинствовали «если бы» да «кабы»,
Давилось время вечностью, но ело,
Тревожный свет за ворот тихо капал,
Зима кормила судорожно белым,

Пространство задыхалось бездорожьем,
Любовь читала сказки суициду,
Слонялись дни, гудели неотложки,
Зевала нежность в кресле инвалидном,

Бросались чувства в скважину иллюзий,
Судьба брала настойчивых нахрапом,
Из детства на убой летели гуси,
И клинило упорно в счастье клапан,

Журчащей мглой подпитывались мысли,
Тоска себя в отчаянье топила,
Звучал во мне мой одинокий выстрел.

Моя весна,
всё это было,
было...

с плеча

бокастый мир, надкусанный на пробу.
бездонный полдень. солнечная пыль.
струится медленно от самого порога
залётный май в разводах птичьих, голубых.

плацкартный год проносится навстречу.
кому, не помню, выпала любовь,
парфюм её дискантом юности расцвечен.
а мама часто говорит сама с собой,

впуская свет в объятия запустенья.
текучий след, расплывчатость икон.
покоя нет – как надпись в метрополитене –
и бог мне даже отдалённо не знаком.

раскосый нрав. пружинящие звуки.
осипшим сердцем пестовать печаль.
гундосит ветер по тряпичным закоулкам,
где ангел рубит обожжённое с плеча,

как ягуар, бесшумен, беспощаден,
влюблён в свой голос, даром, что молчун.
и просто жить, всерьёз не зная чего ради,
и жить, как жил, скорбя неведомо о чём.

уолли

уолли, брат мой, это карма
или кама, что река,
а звалась велосипедом,
еду-еду, не доеду,
помню деда из тибета.
это карма. убегай
из дрейфующего замка.
уолли, покатай на санках
по безрыбью, по безлюдью,
по линиям темноте.
раньше на велосипеде
еду-еду, а в тибете
деду говорят, что ветер,
только жизнь и только ветер,
но скорее только ветер
в этой жизни. налетел
на плиту воспоминаний
и разбился на банане,
на мопеде, на седане.
вот я слышу страшный ляг.
дети клайда, дети бонни,
смерть становится спокойней.
брат мой уолли, нет здесь боли,
нету боли, нету, бя.
дети деда на тибете,
это карма, это ветер,
помнишь, на велосипеде
ты катился, что там смерть,
через небо, сквозь помпеи,
звал меня, снега шумели,
только я и не умею.
не случилось, не умею.
никогда я не умел.

СТЕКЛО

там, где память была, теперь
всё чугуны да зима, зима.
оставляешь себя в стекле
любоваться на дольний март,

на сучёные тишь да гладь,
на прилюдные абы как,
на индейца Иная Блажь,
что снимает со смерти скальп,

на манерные фонари,
что ведут напрямиком в Аид.
зажигает, чтоб прикурить,
а стекло на тебе горит,

но недолго: седой Гудзон
сквозь тебя утекает вверх,
и на пепельное лицо
родниковый ложится свет.

корни

мой наполнитель это скорее лес,
воспитанный грибниками и пауками.
мальчишки на пнях оставляют солёный хлеб,
который ещё в руках превращается в камень.

меня обжимает свет, повторяет воздух,
ровняет огонь, отслеживает вода,
я по костям зверей узнаю свой возраст,
по мху на деревьях – откуда любви не ждать,

по жирным следам лесника выбираюсь в люди,
по тёплой листве забираюсь опять в себя.
таёжное небо, ссутулясь, меня кормит грудью,
и звери мои, как бы ни было тихо, не спят,

а я им даю имена, а затем изменяю,
потом выгоняю наружу – они не идут:
звери с ничего не значащими именами;
лес, уходящий корнями в пустоту.

завеса

я всё превращаю в дым, и дым превращаю в дым,
а сам становлюсь водой расслабленной, молодым,
вещающим о тебе, сокрытая в пустоте,
мол, ты превратилась в дым, что ты без меня теперь
как зёрнышко на весу воздушное, под весной
качаешься надо мной, качаешься, подвесной
высокий и длинный мост – ни шагу ступить нельзя,
нельзя не попасть домой, где тени по мне скользят,
спеша превратиться в дым, как ты превратилась в дым,
хлебнув от меня воды, найдя на воде следы,
ведущие от меня, петляющие к войне
за облаком проливным на выжженной стороне,
где гнётся предсмертно дым, где дыму уже невмочь
не видеть меня седым и располагать не мной.

ПОЖИТКИ

останешься как есть, не став собой,
и прошлое не вспомнится как надо,
пиши: за смертью следует любовь,
а за любовью – смерть. одна расплата
за всё как за одно: расплаты нет,
как нет такого слова. оставайся,
как водится, вне слов. финальный снег
переводи в начальный, расступайся,
переходя во внутренний разбег,
в нечёткую звезду в ночных глазницах,
и неопределяемый размер
души твоей растянутой приснится
ему, тому, кто вышел и ушёл,
сказав, что остаётся. он смеётся,
не оставаясь. хохот приглушён,
и в нём никто себе не признаётся.
но ты всё знаешь, видел, отгадал,
не веря, не смотря, светясь ошибкой,
как медленной любовью, что всегда
приходит, чтоб забрать свои пожитки.

ХОККЕЙ

одиноким лежащий велосипед на мосту.
баночка витаминов «ревит»
дребезжит в кармане, перебивая сердечный стук.
ничего, что было бы о любви.

разве только билет на вчерашний хоккей.
озябшее небо не отражает речная вода,
маленькая девочка вдалеке –
для меня она останется маленькой навсегда –

маленькое облако, его огромная тень.
вспоминаются записи в собственном дневнике:
«вторник. хочется уже иметь детей.
ненавижу хоккей».

МОЯ ЛЮБОВЬ

любовь моя ни в кого не материализуется,
так и остаётся: красивой, словеснообразной,
всеми разделённой, разлуконенаказуемой
и ко мне как будто бы непричастной.

не называть же каждое своё увлечение любовью –
одна она у меня, одинокая, тюлево-бежевая.
я держу её в тепличных условиях,
и она меня за кого-то держит.

нет у неё ни страха, ни целомудрия,
девственности нет /её, кажется, вообще не было/
она пользуется моей доверчивостью,
припудривается
косметикой каждой моей подруги,
на мягкой мебели
оставляет своё мерцающее оперение.

длительность
наших отношений наводит на мысль,
что любовь у меня последняя.
хотя всё самое искреннее в жизни звучит неубедительно,
всё равно что лирическое отступление.

и что мне с ней делать? пожалуй что взять да выставить
на посмешище или за дверь,
или стервою, обнажающей свою грудь.
иногда мне кажется, что я умру от сердечного приступа,
если раньше приступа не умру.

не обращай внимания

да, не надо, не обращай, незачем,
давай забудем, какие мы с тобой вероломные,
какие мы друг другу первые встречные,
голодные.

сердце – это просто орган для перекачивания крови,
помни,
ну стучит, ускоряется, захлёбывается – бог с ним.
а кто-то из нас второму не ровня,
неровный.

ты, наверное, жажда,
вот смотрю на тебя и думаю: ты жажда,
моя тёплая жажда,
я смотрю на тебя так, как будто бы совершаю кражу,
нет, это именно что настоящее, как раз важно.
а так и не скажешь.

а так и не подумаешь. да мало ли.
такая маленькая, тоненькая, с далёкой улыбкой,
с холодными ногами.
эти реки текут в тишину. знаем – плавали.
ты нравишься моей маме,

хотя она почти ничего о тебе не знает
кроме того, что ты дорога мне,
что ты дорога мне,
что ты
родилась в мае,
а я, наверное, в мае умру
без тебя,
тебя и подобных тебе проклиная.

только
не обращай на меня внимания.

сабина

когда я умру, ты рассмеёшься, наверное.
мол, нет ничего закономерного,
вот жил-жил и неожиданно умер –
в этом столько зауми.

она всегда тебя здорово смешила.
мне не будет ни радостно, ни паршиво.
я буду представлять себе твою улыбку,
подходя к райской калитке.

а улыбка у тебя нескромная, ножевая.
вспомнишь, как я тебя всегда называю.
я и там тебя буду называть так же, даже
ещё бессовестнее, как сейчас не скажешь,

там открывается что-то вроде второго голоса,
которым можно говорить полностью,
которым невозможно наговориться,
и самое страшное в нём – повториться,

но я буду повторяться, и ты тому виною,
это непоправимое и смешное.
а ты будешь улыбаться и думать, что невинна,
моя дорогостоящая сабина

да, ты будешь смеяться над всей этой бессмыслицей,
но, сабина, всё ещё выяснится,
прояснится, и я буду недалёк от правды,
так же как рай недалёк от ада,

так же как мы с тобой недалеко друг от друга,
всё перемесится, перебесится – станет глухо.
ничего не изменится, сабина, только перевернётся.
и я не умру – хотя что мне ещё остаётся.

сентябрь уже

я встал. за мною встало утро,
и – ноготками по спине.
у нины я запомнил кудри
и слово «нет».

еще мне отроду не тридцать.
беру я время на измор.
на аллу можно было злиться,
но я не мог.

у эммы я запомнил гетры,
ужимки, шарканье ногой.
уже сентябрь, ты знал об этом?
такой вот год,

такая осень – спозаранку
ко мне чугунною спиной.
зима была, я помню аньку,
у аньки – ночь,

а после – музыка включалась,
и до сих пор снега летят.
не начинается с начала.
уже сентябрь.

кораблём

видится: кораблём иду сквозь булыжное море страшное,
ну, каким кораблём – невзрачным таким корабликом.
воздухом наполняются паруса, в закатное окрашенным,
по вкусу напоминающим паприку.

матросы на борту моём голодом вымотаны,
жаждой изувечены, миражами изъедены.
мнутся им девушки, родниковую водою вымытые,
на всё согласные, торопливо раздетые.

а девушкам этим о мускулистых юношах мечтается,
населяющих местности дикие, тестостероном
пропахшие.
девушки хотят заниматься любовью,
но занимаются танцами,
чувственные, бедовые, ненастоящие.

каменные шторма налетают на судёнышко квелое,
впрессовывают его в пучину бетонную,
смертью огрызаются.
матросам является девушка, бутоновая, апрелевая,
улыбаясь, дотрагивается до них раскалёнными пальцами.

и хватают матросы её за тело иллюзорное,
и покрываются руки их ранами ужасающими,
плачут они слезами, огромными, бизоновыми,
девушка гладит их по волосам, цветущая, всепонимающая,

а вокруг всё гудит, чертыхается, дух захватывает,
море выворачивает.
матросы обнимают девушку, ощущают биение жизни,
бессмертию в дар уготованы.
на самом деле ничего этого нет –
есть лишь запах забвения вкрадчивый,
полный штиль и кораблик пустой,
плывущий в подземную сторону.

КИПЯТОК

варимся в одном кипятке с одинаковыми приправами,
только моё право в другой стороне
от чьего-либо права,
только моё недовольство
это как недовольство новорождённого,
и у меня вместо смерти всякий раз пробуждение.

живёшь и видишь сам себя от третьего лица,
соглядатайствуешь,
фотографируешь что ни попадя,
оформляешь на себя дарственную,
вписываешь в неё одно знакомое имя, другое, пятое
хочется отдать её кому-нибудь, но все спят уже.

а будить никого не хочется, да и вообще беспокоить
не хочется никого в этом мире,
выполотом под корень,
дышишь тем, чем дышать перестали
или ещё не начали,
и стучаться ни к кому не хочется,
и ни к кому не назначено.

один скажет «пустое», а другому я о пустом поведаю,
третий выйдет за дверь, покинет подъезд,
больше не вернётся, наверное,
одного сачка бабочки – жизнь и смерть,
имя всему – прелюдия,
я и ты, два местоимения, посмотри,
но совсем как люди мы.

диалоги

внутренние диалоги со знакомыми
и случайными людьми,
со знакомыми – чаще, со случайными – неожиданнее,
продолжаются. ты хочешь,
чтобы я называл тебя мисс:
мисс, выруби телевизор,
мисс, займёмся этим на пристани.

твои намерения прозрачны, как тонкая футболка,
которую ты снимаешь с себя,
делая это предельно невинно.
встань-ка вот так: подбородок приподнят,
губки надуты, руки в боки –
я рассматриваю тебя на свет и тебя не вижу,

и ухожу в соседнюю комнату,
полную неоправдавшихся ожиданий,
выгоняю взашей их, даю им подзатыльники,
пытаюсь дверь запереть,
но она остаётся открытой,
словно граница таджикистана.
денег, как обычно, не набирается даже на смерть.

значит – живу, и в сердце моём терракотовом
живёт затерявшаяся там невеста когда стрекоза,
а в той стрекозе живёт голос твой,
слышимый будто из сотового,
ты опять забываешь о том, что ты хотела сказать,

тебя слышно всё хуже и хуже, точно засыпаны гравием
ты, и пространство, и время, и то,
что обращает их в абсолютный нуль,
минуя обратный отсчёт. есть одно особое правило:
не закрывай глаза, пока окончательно не уснул.

проект

когда отменили жизнь
ну вышел указ и в общем
уже не живём не ропщем
не топаем не брюзим
под временем не лежим

ведь нам отменили жизнь
и стало всё ярче проще
тела без души полощет
безжизненный наш режим
и мы налегке бежим

а души как витражи
отдельно в фигурных рамках
на них ни единой ранки
красивые же скажи
в них раньше водились вши

и мы отменили жизнь
а в следующем проекте
отмена любви и смерти
но как до него дожить
когда отменили жизнь

ЛЕЗВИЕ

не ровен день споткнёшься об себя
и выплюнешь отравленное лезвие;
теряя перья, стая голубят
сорвётся с языка несоответствием
делам и помыслам; придвинется итог
всего грядущего, прозрачный, незначительный.

вчера общался с мёртвыми – и что?
сегодня – мелковат и необщителен,
сегодня, сталь нашарив за губой,
чудишь себе, заламывая прошлое.
и свет в тебе вещает голубой,
и боль тебя, несбывшаяся, тощая,
переживёт.

брют

круглый, как боль, короткий, как человек,
даже когда живой, замечаю дымку,
воздух прожжённый, над всем занесённый свет,
смерть и любовь – за ручку, потом – в обнимку.

мало курю. почти не курю. курю.
всё преходящее – топливо: вздутые печи,
пепел по кругу, огонь обращается в брют,
выдох на вдох, а больше и крыть-то нечем.

в сумерки вижу: там у меня внутри
мало-помалу в пустотах зола осела.
я открываю сердце по счёту три,
тёплый, как ночь последнего воскресенья.

ненасытные дни

счастья нет, хотя казалось вот-вот.
это где-то «без пяти» тридцать лет.
полдень жизни, или вроде того.
город тула или, может, смоленск.

память тонкую, что девичий сон,
притесняют ненасытные дни.
под ладонью затихает висок.
шепелявит раритетный винил.

бродит юность, бредит, щурится в даль
близоруко. ничего не болит.
полночь. Падает отвесно звезда
и отскакивает от земли.

НИКОГДА

*«– Говорят, бывает ещё какая-то другая звезда.
– п. 111, § 4: «Никогда».»»
Андрей Пермяков*

когда я пережил своё детство, вернулся отец:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.